

Николаевский жандарм

Александр Кибовский

Советская школьная программа предписывала учить наизусть нетленные строки: «Прощай, немытая Россия, / Страна рабов, страна господ, / И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ...» В то далёкое время авторство Лермонтова ещё не подвергалось сомнению, а сами стихи не становились предметом политических дискуссий. Но благодаря им все подростки знали, что царские жандармы носили мундиры голубого цвета.

Генерал-майор Корпуса жандармов Андрей Яковлевич Стороженко. Миниатюра Станислава Маршалкевича, 1835–1836 годы. Картон, акварель, гуашь. 12,5 x 10,5 см. Частное собрание. Ранее: Портрет русского генерала

Жандармы не сразу получили ту одиозную репутацию, которая сделала голубой мундир символом полицейского произвола. В период борьбы с Наполеоном они появились как обычная военная полиция, по примеру французской армии. Естественно, полицию требовалось отличить от других военных. Для этого офицеры и драгуны, назначенные жандармами, сначала вставляли в каски зелёные ветки, а с 1815 года применяли способ, доживший до на-

Первый проект формы жандармов, 1815 год
Техническая библиотека вещевой службы Минобороны России

ших дней, — носили красную повязку на правой руке.

27 августа 1815 года Александр I учредил Жандармский полк, который эскадронами и командами распределялся между армейскими соединениями для полицейской службы — от пресечения буйств на постое до соблюдения порядка на маршах. И вот тогда-то для отличия этих немногочисленных чинов от остальной массы военных, носивших тёмно-зелёные мундиры, жандармам присвоили особую светло-синюю форму с аксельбантами.

Первый удар по репутации голубого мундира нанесло в 1817 году решение Александра I переименовать в жандармы полицейские драгунские команды, служившие в губернских и портовых городах. Это сразу сделало жандармов частью гражданской жизни, правда, пока ещё без политического окраса. Главной заботой конных жандармов было «охранение порядка и спокойствия на ярмарках, торгах, народных и церковных празднествах, ...успокоение неповиновений и буйства», борьба с разбойниками, поимка беглых крестьян и дезертиров. Но уже с этого времени жандармы начинают приобретать тот зловещий образ, который использовал Гоголь в финале «Ревизора» — явившийся к городничему жандарм единственной и последней в комедии репликой вызывает у всех оторопь, ужас, изумление и знаменитую немую сцену.

Кристаллизация образа жандарма произошла после восстания декабристов. Масштабный военный заговор оказался для высшей власти сюрпризом, едва не стоившим короны. Ответные меры не заставили долго ждать. Ещё шёл суд, когда 3 июля 1826 года Николай I учредил в составе своей канцелярии новое III отделение, объединившее всю работу по противодействию политическим угрозам — от сыска тай-

Жандармам присвоили особую светло- синюю форму с аксельбантами

ных обществ и религиозных сект до борьбы с фальшивомонетчиками. Руководство отделением император доверил своему близкому другу, генерал-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу.

Отделение имело всего 20 сотрудников. Понятно, что эта горстка столичных чиновников не могла держать под контролем гигантскую империю. В связи с этим 28 апре-

ля 1827 года Николай I учредил Корпус жандармов, шефом которого стал тот же Бенкендорф. Страна была разделена на пять жандармских округов и 26 отделений, каждое из которых охватывало 2–3 губернии. В результате III отделение получило собственную полицейскую сеть по всей России, которая затем только разрасталась.

Но начиналось всё даже романтично. Жандармы верили в легенду, что когда Бенкендорф спросил императора о задачах корпуса, то Николай дал ему белый носовой платок со словами: «Утирай этим платком как можно больше слёз, вот моя инструкция!» И действительно, составленная Бенкендорфом первая инструкция для жандармов была написана самым высоким штилем: «В вас всякий увидит чиновника, который через моё посредство может довести глас страждущего человечества до Престо-

Полковник А. Я. Стороженко, 1830–1832 годы
Из книги «Стороженки. Фамильный архив». Том 1. Киев, 1902 год

ла Царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту». Фаддей Булгарин восторженно доносил: «Инструкция жандармов ходит по рукам, её называют уставом "Союза благоденствия"». Это поразило меня и обрадовало. Итак, учреждение жандармов и внутренней политической системы (surveillance) не почитается ужасом, страшилищем».

Так как же получилось, что при столь сияющем начале голубой мундир очень быстро стал чуть ли не зазорным?! Ведь жандармам назначили высокое содержание, их утверждал лично император из числа офицеров, «известных отличною службою, расторопностью, усердием и особенно хорошею нравственностью». Но... Сам Бенкендорф признавался: «Я не был готов к исполнению такого рода службы, о которой у меня было самое общее представление». Ещё менее оказались к ней готовы его подчинённые. Даже герои битв терялись и деградировали на новом поприще.

Характерный пример разницы между петербургскими надеждами и местной прозой описал жандарм Эразм Стогов. Назначенный в 1833 году в Симбирск, он получил от Бенкендорфа прекрасные наставления: «Утирай слёзы несчастных и отвращай злоупотребления власти, и тогда ты всё исполнишь... Ты должен быть любим и необходим в обществе. Если не любят жандарма, то он бесполезен».

Но, приехав на место, Стогов обнаружил печальную картину: «Доверие и уважение к жандармскому мундиру в Симбирске было разрушено. Передо мной был полковник Маслов, тип старинных полицейских. Он хотел быть сыщиком, ему казалось славою рыться в грязных мелочах и хвастать знанием семейных тайн. Он искал случая ко всякому прицепиться, всех страшил, делал истории, хотел властвовать страхом и всем опротивел. Он хотел быть страшным и достиг общего презрения. Жена его любила щеголять знанием всех сплетен и хотела иметь влияние на городских дам и была деятельна... Таким образом, я явился

Благая идея оказалась навсегда испорчена

к обществу, предубеждённому к жандармскому мундиру, олицетворявшему идею доносчика и несносного придиралы даже в частной жизни».

В результате благая идея оказалась навсегда испорчена, а голубой

мундир стал предметом негодования и насмешек. Знаменитый герой и остролов генерал Ермолов шутил: «Теперь у каждого или голубой мундир, или голубая подкладка, или хотя бы голубая заплатка». А между тем сам Ермолов в это же время дружил с жандармом, которого ещё во времена славных походов против Наполеона называл братом.

В июне прошлого года один из аукционеров Гамбурга выставил на торги серию из трёх миниатюр кисти польского художника Станислава Маршалкевича. Семейная сюита запечатлела храброго жандармского генерала и, по всей видимости, его молодую супругу и немногим ей уступающую взрослую дочь. Надо сказать, что генеральских должностей у жандармов было совсем немного: начальник штаба корпуса, начальники округов и отдельные лица, зачисленные по особым случаям, — всего около дюжины. Поскольку Маршалкевич работал в Варшаве, то большинство генералов, разбросанных по всей России, никак не могли ему позировать. Возглавлявший же 3-й округ жандармов в царстве Польском граф Фёдор Нессельроде запечатлён на другой миниатюре Маршалкевича и ни по внешности, ни по наградам не подходит к храброму персонажу.

Тем не менее в 1830-е годы в Варшаве служил ещё один жандармский генерал, исполнявший сразу несколько должностей, — генерал-полицмейстер (начальник военной разведки и контрразведки)

АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ СТОРОЖЕНКО (08.03.1791 — 04.07.1858) окончил в 1806 году 2-й кадетский корпус и подпоручиком артиллерии участвовал в русско-турецкой войне, а затем адъютантом разных начальников, в том числе Ермолова, совершил славные походы 1812–1814 годов. При Бородине он был ранен пулей в поясницу, а при Дрездене в правую ногу. Окончил войну капитаном, кавалером трёх боевых орденов и золотой шпаги с надписью «За храбрость». Потом была долгая и хлопотная служба в южных во-

и генерал-гевальдигер (начальник военной полиции) расположенной в Польше действующей армии, председатель Следственной комиссии при польском наместнике, занимавшейся борьбой с национальным повстанческим движением, и вице-президент (обер-полицмейстер) Варшавы генерал-майор Андрей Яковлевич Стороженко. Участник целого ряда войн, он имел как раз те самые награды, которые мы

видим на миниатюре. Да и внешне жандарм очень похож на портрет Стороженко, опубликованный его внуками в 1902 году.

Соответственно, на остальных миниатюрах изображены дочь Стороженко от первого брака Елизавета, родившаяся в 1818 году, и его вторая жена Юлия Ивановна, урождённая Бобровская-Миркалова, сама годившаяся ему в дочери. Датировать всю сюиту можно по наградам генерала. 21 сен-

тября 1835 года Стороженко получил прусский орден Красного орла 2-й степени, белый крест которого мы видим у него на шее. Но ещё 22 августа того же года он был удостоен нагрудного знака за 25 лет беспорочной службы. А между тем на миниатюре показан знак за 20 лет. Такое могло случиться, если документы задерживались. Но обычно это не длилось слишком долго. Скорее всего, сюита была заказана либо в конце 1835 года по случаю пятилетия второго брака генерала, либо в начале 1836 года в связи с 45-летним юбилеем Стороженко. ▼

Юлия Ивановна Стороженко, урождённая Бобровская-Миркалова, и Елизавета Андреевна Стороженко. Миниатюры Станислава Маршалкевича, 1835–1836 годы
Картон, акварель, гуашь. 12,5 x 10,5 см
Частное собрание
Ранее: Портреты дамы и юной девушки

Автор — кандидат исторических наук, руководитель Департамента культуры города Москвы